

Игорь Фарбаревич КОЛОКОЛА АЛАЗАРЫ Фантастическая повесть-сказка

На самой высокой горе стояла Золотая Колокольня. И висели на ней четыре колокола, отлитые из звёздной пыли.

Первый колокол будил жителей ранним утром, и звался Колоколом Надежды. Второй был Колоколом Вдохновенья. Он звонил днём. Третий гудел под вечер, и назывался — Колоколом Раздумий. Колокол Покоя бил ровно в полночь. В последний двадцать седьмой час суток все колокола звучали вместе.

Бил в колокола Звонарь. Он разносил звон колоколов по Вселенной. И тогда энергия волшебной музыки наполняла жителей Алазары силой Бессмертия.

Сказано в «Книге Бесконечности»: «Не важно: кто ты, а важно — что умеешь».

Стать Правителем алазарян мог любой житель, но лишь самые мудрые и справедливые претендовали на королевский трон. Каждые сто лет жители оценивали королевскую работу. Если она приносила пользу Планете, правитель оставался у власти ещё на сто лет. Королева Мариада — женщина редкого ума и неземной

красоты — бессменно правила этой прекрасной планетой тысячу лет. Было у них со Звонарём двое детей.

И жили все алазаряне долго и счастливо, пока однажды не пришла беда...

ПРОЛОГ

Приют объединял два дома: Дом малютки и Детский дом. Как только младшим исполнялось семь лет — их тут же переводили в Дом для старших. А уж там они пребывали до своего совершеннолетия.

Мальчик, о котором пойдёт речь, был подкидышем. Обнаружил младенца сторож Макар, и найдёнышу дали его имя.

Макар Саввич считался в Приюте знатным рассказчиком. Его истории — о неизвестных городах и землях, о дальних дорогах, ведущих неведомо куда, о морских просторах, где Ветер Странствий подгоняет парусники — можно было слушать с утра до вечера. Скорее всего, Макар Саввич что-то путал в названиях и событиях, наверное, кое-что и привирал, но его рассказы были, конечно, интересней однообразных скучных уроков.

Стал мальчик Макар с той поры мечтать о свободной полной приключений жизни.

Своих воспитанников директор желал видеть непременно счастливыми, о чем не раз провозглашал по местному радио и на всех высоких собраниях далекого районного городка.

Когда-то, отслужив в армии и уйдя в отставку, он сам предложил свою кандидатуру на место директора. Местные власти были довольны: директора в Приюте долго не задерживались. Обычно им не хватало терпения, жизненного опыта и физической подготовки. А у товарища майора эти качества были.

Опыт нового майор-директора сказывался во всём.

После очередных жалоб на сторожа и доносов по поводу его пагубного влияния на воспитанников, директор отсылал нарушителя куда подальше: зимой — чистить дорожки от снега, весной — сгонять лужи в сточную канаву, летом — срезать ветки с кустов, осенью — сгребать и жечь осенние листья. А воспитанников за плохое поведение частенько оставлял без ужина, лишал прогулок, по воскресеньям вместо бани порол березовыми вениками: в общем, обращался с ними, как с малолетними преступниками.

Майор-директор любил дисциплину. Подъём — раз-два! На зарядку, становись! На линейку — руки по швам! Завтрак — пять минут! Заболел и не помер, значит — симулянт!.. А ещё он любил

бороться: за чистоту, за успеваемость, за первое место в области... Его воспитанники во всём должны быть лучшими! Счастье — в борьбе! Тру-ту-ту! Бом!

Из-за кирпичной стены доносились ребячьи голоса, весёлый свист и беспечный смех. А внутри неё — жизнь текла по казённому распорядку.

Всё это вызывало в Макаре яростное сопротивление. Он дерзил педагогам (за что сидел в карцере чаще других) и всегда отстаивал своё мнение (за что прослыл между более робкими воспитанниками гордецом и выскочкой).

Сам же майор-директор считал этого парня закоренелым негодяем и обещал (как только позволит возраст Макара), лично заковать его в кандалы и отправить по стопам декабристов...

Телевизионные фильмы в Приюте разрешалось смотреть изредка. Майор-директор сам отбирал и подготавливал их для показа. Вначале — запишет на видеомагнитофон, затем сотрёт все «двусмысленные моменты». Но и в оставшихся почти не связанных между собой дозволенных эпизодах — скакали на лошадях мушкетёры и мчались под парусами вольные моряки.

Это ещё сильнее заставляло биться нетерпеливое сердце Макара. Свободная жизнь, полная приключений, звенела даже во снах. Он чувствовал себя пленником.

Решётки всегда вызывают у пленников желание бежать... И вот однажды, забравшись в хлебный фургон, Макар покинул Приют.

В электричке, в толчее, среди спешащих на работу людей, он представил себя далеким путешественником, которого ждут необыкновенные приключения и великие открытия. Стучали по рельсам колёса, проносилась мимо неизвестная жизнь. На душе становилось тревожно.

Но Макар рассудил, что не должен сидеть на одном месте. Земля — такая большая... Кто-то и смог бы, а он — нет. Главное, не попасться! Окончательно успокаивая себя, подумал: Россия — большая, затеряешься — не найдут. И вообще, всё, что ни делается, то — к лучшему.

1. ОДИН В ГОРОДЕ

Прошёл год.

Свобода в больших городах — это когда ты никому не нужен. Делай, что хочешь. Живи, как знаешь.

Страшней полицейских оказались нищие и бродяги. Они пили, ругались, дрались, попадали за решётку. Каждый из них яростно отвоевывал себе «место под солнцем». Макар встречал их у вокзала, в переходах, у храмов, на рынках. Видел, как по вечерам они отдавали подозрительным типам

львиную долю «заработанных» денег. Это были жители страны, в которой Ложь, Хитрость и Удача правили Страхом и Унижением, а вершили суд Нож, Пуля и Верёвка. Чтобы прожить, нужно было приспособливаться.

Быть одному трудно. Такие же, как он, мальчишки и девчонки, сбиваются в Стаю. Вместе — весело и не страшно. Все вместе — сила! Только мечтают они о другом. О деньгах, например. Или о власти. Одни мечтают отомстить за нанесённые обиды, другие — поскорее вырасти и походить на тех, кто ими верховодит. А уж те, в свою очередь, хотят стать настоящими «авторитетами».

Старшие занимались вымогательством. Мелкие — воровством. Девчонки переодевались в цыганок или ублажали за большие деньги пожилых дядей. Ребят не раз отлавливали и привозили в детские приёмники. Но большинство из них вновь убегали в толчею улиц. Потому что свобода — это когда делаешь, что хочешь.

Да, трудно одному. Макар это понимал. Но не захотел прибиваться к Стае. Правда, они не голодали. Но разве это так уж важно? Главное, когда душа свободна. Иначе, зачем она человеку?

Одному — и трудно, и легко. Опыт — великая вещь на свете! Нет, надо пробовать выжить. Для этого он будет честно трудиться. Он сможет. Приютские мечты дали ему эту силу.

Уже по приезде в город, Макару повезло: он стал мыть припаркованные у вокзала машины. Ничего, получалось. Но мальчишки из Стаи выследили и отобрали деньги. Ещё пригрозили расправой. Пришлось в первый же день лечь спать голодным.

Ночлег он нашёл у продавцов арбузов. Впрочем, какой там ночлег! Так, прибежище. Спать не спал — помогал разгружать огромную фуру из Астрахани. Заработал большой полосатый арбуз, слаще которого не было на свете.

Весь следующий день Макар бродил по городу голодным. Здесь он был всего один раз — с экскурсией детского дома. Очень давно. И почти ничего не запомнил.

Лишь в Старом городе сразу узнал крепостную башню — точь-в-точь как на фотографии, висевшей в кабинете истории. Увидел Храм Божьей Матери с иссиня-небесным куполом. И странное чувство овладело им: словно из сна попадаешь в незнакомый город, — в котором уже побывал.

Днём с новой силой напомнил о себе голод. Сосало «под ложечкой». Желудок, привыкший обедать по распорядку, недовольно урчал на Макара. Везде торговали пирогами и фруктами, предлагали сладости. К горлу подкатывала тошнота, и темнело в глазах.

К вечеру все принципы лопнули, как мыльный пузырь. Мальчишка пришёл к вокзалу и встал с протянутой рукой. Лицо покрыла краска стыда, голос не слушался, дрожал, а глаза старались не смотреть на прохожих. Однако он скоро понял, что горожане давно привыкли к бродягам. Если кто из сердобольных и протянет монетку, считай — удача.

Собрав денег на два пирога с мясом, Макар заспешил к продавцу. Но перед ним снова выросли уличные мальчишки. Уволокли за угол, отобрали жалкую выручку и отдубасили. Правда, не сильно, но чтобы запомнил. Больше всего досталось от старшего — крепкого парня, лет пятнадцати, по кличке Водила. В следующий раз, пригрозил он, вывезут за город и там придушат. Не путайся под ногами. Или — будь вместе со Стаей, или — никак. И дал ему сроку на размышление — три дня.

* * *

Макар был в отчаянии. Даже подумалось о возвращении в Приют. За высоким забором Стае никогда его не достать... Но что потом? Снова майор-директор? Опять «березовая каша»? Вновь опостылевшие уроки?...

Боль сразу прошла. Макар высморкался кровью. Нет, сказал он себе, в бессилии сжимая кулаки. Он не сдастся! Разве узники возвращаются

в темницу по своей воле?... Он докажет «уличным», что и один в городе воин!..

Голод — не тетка... Уже поздно ночью Макар стянул с хлебного лотка бублик. А на следующий день своровал ещё. Потом ещё раз. И — пошло-поехало!

Он стал воровать не только продукты, но и кошельки из сумок. Как ни странно, это несправедливое занятие принесло ему даже уверенность в своих силах, в завтрашнем дне. К тому же, на ворованные деньги можно было купить всё, что душа пожелает. Например, — новую куртку.

Всё реже прислушивался Макар к голосу совести. Он заглушал её чередой опасных и бесшабашных дней. Лёгкая добыча пьянит. И если на первых порах, он пробовал ещё оправдаться перед собой: тащит, чтобы выжить, — то с каждым новым воровством в нём все больше проявлялся и крепнул хитрый, зоркий охотник. Проходя мимо намеченной жертвы, он умело напускал на себя невинный вид, чтобы в любой момент, как только подвернется возможность, — своровать и стремительно исчезнуть. Он научился не попадаться на глаза полицейским мальчишкам из Стаи, называя себя одиноким уличным волчонком.

Однажды в парке он подслушал разговор между «уличными». Они болтали о

мальчишке-малолетке, сбежавшем из Приюта. Макар затаил дыхание. Его имени не знали в городе, но он догадался, что разговор шёл о нём. И ещё узнал, что Стая прозвала его Робинзоном.

Отлично! Имя моряка из Йорка пришлось ему по душе. Оно означало, что его умение выжить оценено!..

Рядом с вокзалом реставрировали старый храм, огороженный забором, вдоль которого устраивались на ночь нищие и бомжи. Они облепили его со всех сторон, теснясь, как щенки у груди матери. С водкой и пивом уходила злоба. С исковерканных душ слетало нищенское тряпье, и свет, что был закопчен и втиснут в грязные тела, едва тлевший в этих полулюдях, — внезапно расцветал забытыми красками жизни, пробуждал воспоминания молодости и мимолетного счастья.

Веселись, шальная голь!
Я — король, и ты — король.
Выдуй банку пива!
Глотку рви, танцуй, буянь,
Наша уличная рвань
Мутного разлива!
Бал! Бал! Сказочный бал!
Прямо из грязи
Да в князи!
Бал! Вечный наш бал.

Тьфу! Тьфу! Лишь бы не сглазить!

Макар познакомился со всеми, не раз выслушивал немислимые истории, подпевал в похабных или тоскливых песнях и не раз разнимал дерущихся.

Эх, весёлое житьё!
Отработали своё,
А теперь гуляем!
В этой сказочной ночи —
Все сегодня богачи.
Душу забавляем!..
Бал! Бал! Сказочный бал!
Прямо из грязи
Да в князи!
Бал! Вечный наш бал!
Тьфу! Тьфу!
Чтобы не сглазить!

Рабочие, что отделявали храм, трудились днём и ночью. Храм восстанавливался к празднику, и настоятель обещал заплатить большие деньги, если всё будет готово к сроку. Вечером подняли с земли колокола и теперь при свете фонарей укрепляли их на колокольне.

Макар уселся в сторонке. Он никогда не спал рядом с бомжами — боялся полицейской облавы,

но тут глаза его внезапно стали слипаться. Он выронил из рук кусок хлеба, который тут же подобрала бродячая собака. Сквозь сон доносился привычный гул хриплых голосов, кто-то растянул меха гармони.

Бросив посох и костыль,
Оттерев и грязь, и пыль
(Что весь день на лицах),
Мы — весёлое рваньё,
Городское вороньё —
На часок забыв враньё,
Будем веселиться!..
Бал! Бал! Сказочный бал!
Прямо из грязи
Да в князи!
Бал! Вечный наш бал!
ТЬфу! Тьфу!
Лишь бы не сглазить!

Ему вспомнились былые мечты. Приключения... Далёкие страны... Всё это вызвало у него лишь лёгкую улыбку. Ах, как давно это было!.. Где он, остров Робинзона? Его остров с криками чаек, с солнечными полянами, с чистыми ручьями... А может, никакого острова нет? И останется он лишь в его воображении. Да ещё в удивительных рассказах сторожа Макара

Саввича...

...Давным-давно, в Галактике Двух Солнц, на планете Алазаре жили счастливые жители. И светило им два солнца: зелёное и красное.

Весёлые и талантливые алазаряне не знали, что такое зависть и жестокость. Их зодчие возводили высокие храмы и просторные города, художники расписывали стены и своды, врачеватели занимались лишь поисками лекарств для продолжения жизни — ибо давно уже на Алазаре никто не болел. Поэты посвящали стихи всем жителям, хлебопашцы выращивали такие тяжёлые колосья, что зернами одного колоса можно было накормить всю семью, учёные изобретали умные машины и летательные аппараты, музыканты сочиняли разные мелодии, от них на душе становилось светло, и ноги сами неслись в пляс.

Жители Алазары были почти что бессмертны. Любой из них мог пожелать себе столько веков, сколько хотел прожить. Ведь каждый мечтал сделать как можно больше полезного для своей планеты.

Может, оттого на Алазаре не было стариков. Бывали случаи, когда кто-то по своей воле навсегда оставался с виду ребёнком. Детство могло длиться и сто, и тысячу лет. Юность

продолжалась ещё дольше. А зрелости — не было конца.

Если кто-то все же уставал жить, или считал, что сделал всё, что хотел и мог — исчезал в просторах Вселенной, превращаясь в новую звезду. Не было ни прощаний, ни похорон, ни кладбищ. Ибо сказано в «Книге Бесконечности»: «Когда весь Космос будет напоен Гармонией, — любой ушедший сможет вернуться».

2. ПРИЮТ В ПОДВАЛЕ

И всё же Макару повезло: наконец он нашёл настоящее жильё в одном из старых домов, предназначенных на снос.

До этого ночевал, где придётся: в товарных вагонах на запасных путях или по чердакам, но чаще всего — на городской свалке: лето было жаркое, ночи стояли тёплые. И всё бы ничего, если б не крысы, шныряющие среди баков с пищевыми отходами.

Застройку нового квартала ещё не начинали, хоть деревянный забор уже укрепили. Так что для бездомных собак, кошек и прочих бродяг — место было относительно безопасным. В одном из подвалов, среди лопнувших газовых труб, срезанных электропроводов и ржавых

канализационных коллекторов стала протекать жизнь Макара.

Спал он на старом матрасе, что нашёл на помойке у бывшего детского сада. Укрывался зимним пальто из одной пустой квартиры. Оттуда же притащил несколько табуреток и небольшой кухонный стол. Вместо электричества зажигал обгоревшие свечи, которые ежедневно таскал из ближайшего храма.

* * *

А вскоре рядом появилась шумная компания: хромой пёс, рыжий кот, большая белая крыса, что прежде жила в конторе, и брошенный жильцами говорящий попугай ара.

Он первый познакомился с Макаром. Как в древние времена сокол, садясь на плечо любого человека, указывал этим на нового царя, так и бездомный попугай — лишь только Макар появился в заброшенном дворе, бесцеремонно сел ему на голову, и с криком: «Здравствуй, Цезарь! Идущие на смерть, приветствуют тебя!», — признал в мальчишке нового хозяина.

По тому, как попугай безостановочно сыпал знаменитыми именами и датами исторических событий, а также цитировал стихи, щеголял знанием формул, — с уверенностью можно было

определить, что жил он когда-то в семье учёного. Впрочем, так оно и было. После смерти Профессора Всевозможных Наук правнуки его вытряхнули попугая из клетки, в которой тот провел целых двести лет. И не потому, что хотели вернуть птице свободу. Просто клетка из витой бронзы была тончайшей работы французского ювелира и стоила, куда больших денег, чем надоевший всем говорун.

С той поры попугай поселился на голубятне. Голуби давно жили в другом районе. Кое-кто из них, правда, изредка навевывался в старый двор. Грустно поворкует, перемолвится с попугаем словечком — и назад, на новую голубятню.

После того, как попугай представился Макару Сократом, тот решил дать имена и остальным четвероногим бездомным.

Пса назвал Иннокентием. В честь хромого старика-нищего у храма Богородицы — тот всегда делился с ним хлебом. До этого пса окликали по-всякому: и Полкашкой, и Пиратом. Но теперь, получив собственное постоянное имя, пёс был безмерно счастлив. Конечно же, он — Иннокентий! И как это раньше никому не проходило в голову?!

Рыжий кот по воле Макара стал Фомой. Фома оказался задиристым — вечно ходил в драной шерсти, с разорванным левым ухом. Ещё котёнком его бросили в весенний ручей, откуда он чудом спасся, и с тех пор почти постоянно чихал. Все от

него шарахались, видно, не желая иметь дело с больным животным. А Фому это как раз устраивало. Ему, видимо, казалось, что его боятся. Ещё он любил гоняться за воробьями, был немного ленив, чуть завистлив и никому не доверял.

С Иннокентием кот Фома откровенно скучал: пёс был простодушен, обмануть его было несложно, а следовательно — неинтересно. Ещё он был необидчив, значит, ругаться с ним было бесполезно. И, наконец, Иннокентий не понимал юмора, как понимал его Фома. Так что пускать в ход свои грубоватые шутки оказалось бессмысленным. Но Иннокентий готов был первым прийти на помощь, поэтому продолжать многовековую войну кошек и собак Фома не собирался.

Попробовал он приставать к попугаю, но тот засел на трубе у самого потолка, и незаметно добраться до него не было никакой возможности. Сократ чувствовал себя в полной безопасности на высоте своего положения. Как только Фома тянулся к нему с тыла, попугай тут же кричал во всю глотку:

— Тревога! Застава — в ружьё!

Белая крыса тоже изрядно портила коту настроение. (Макар звал её Кристиной. Она была точь-в-точь похожа на учительницу географии из Приюта — Крысю Яновну, или — «Нашу Крысу».)

К удивлению Фомы, Кристина оказалась не из трусливых. Как только он впервые воинственно чихнул на неё, она в ответ предупредительно стукнула своим толстым хвостом об пол. Кот обиженно засопел и прозвал её «канцелярской крысой», на что та, естественно, не обиделась. С тех пор Фома её зауважал. Но никогда об этом не распространялся вслух.

Итак, собрав команду под одну крышу, Макар был по-настоящему счастлив. Он теперь избегал людей и, в самом деле, представлял себя Робинзоном. Подвал стал его необитаемым островом. А забота о бездомных друзьях волей-неволей заставила чуток повзрослеть. Ведь случись что с ними — кто за них постоит?

Вот если бы они ещё умели разговаривать!.. Один лишь попугай лопочет всякую ерунду: «Иду на вы!» Или — «Пифагоровы штаны — на все стороны равны». И все такое прочее... А как иногда вечером хотелось поговорить с кем-то!

На дворовой свалке Макар подобрал как-то целую гору старых книг и по вечерам читал вслух. То ли себе, то ли — всем. Его команда тихо дремала рядом, делая вид, что слушает. Лишь попугай иногда восклицал:

— Книга — лучший подарок!..

* * *

Однажды вечером, как обычно, Макар вошёл во двор старого дома. Найденный всё на той же свалке рюкзак на этот раз был полон разных вкусностей. Для пса — кольцо ливерной колбасы, для кота — свежемороженая треска, для попугая — солёные орешки, а для крысы — плавленый сыр. Сам Макар соблазнился стаканчиком мороженого, несколькими яблоками и пачкой печенья.

Он уже представлял себе, как сейчас из-за угла к нему бросится Иннокентий, приветственно виляя хвостом, как начнет обнюхивать рюкзак и заглядывать в глаза: что же там.

Потом они спустятся в подвал. Попугай громко захлопает крыльями и радостно воскликнет:

— Хлеба и зрелищ! — и уморительно захохочет.

Фомы, как обычно, на месте не будет. Гонясь целый день за воробьями, он забывает о времени. А Кристина уже наверняка спит в своей норе.

Макар зажжёт свечу и начнёт выкладывать из рюкзака наворованный провиант. Затем три раза свистнет. Это будет условным сигналом к ужину. И не успеет он надорвать разноцветные пакеты, как в окошко тут же впрыгнет рыжий кот. Шерсть на нем будет всклокоченной и мокрой. Он несколько раз громко чихнет и, демонстративно подняв хвост, начнет гордо разгуливать по подвалу. Откуда-то из

подпола вылезет сонная Кристина и вскарабкается на табурет...

Макар улыбнулся своим мыслям.

* * *

Однако, на сей раз все вышло по-другому. Иннокентия нигде не было. Мальчик несколько раз свистнул, но никто не отозвался. Тогда он торопливо спустился вниз.

Железная дверь подвала была распахнута настежь.

Макар поспешно зажёл свечу и увидел полный разгром. На полу лежал распоротый матрас, перевернутые табуретки, разбитая на мелкие черепки посуда. И — никого...

Он так и застыл на месте от гнева и бессилия. До него вдруг дошло, что его тайны больше не существует. Кто-то чужой ворвался в их жизнь, всё растоптал и отнял друзей.

Что-то прошуршало по полу. Макар вздрогнул. Это была Кристина. Она села на задние лапы, опершись на хвост: видимо, старалась о чём-то поведать. Но вместо слов Макар услышал только тревожный писк.

Он обессиленно прислонился к косяку, и вдруг услышал чьи-то уверенные громкие шаги по подвальной лестнице. Крыса поспешила скрыться в

норе. Макар оглянулся.

В дверном проеме появился вожак Стаи. Знакомые ещё по вокзальной драке кулаки. Наглая улыбка на лице.

— Привет, Робинзон! — сказал Водила, плотно затворив за собой дверь.

Полумрак подвала прорезал луч электрического фонаря в его руке.

— Неплохо устроился! — Водила держался так, как ведут себя в кино крутые супермены. — С трудом тебя разыскали.

— А чего меня искать? — дрогнувшим голосом спросил Макар. Он почувствовал, как лоб его покрылся испариной.

— Гони должок, — ответил крепыш. — С тебя восемьдесят баксов.

— Сколько?! — воскликнул Макар.

— Восемьдесят, Робинзон, — презрительно сплюнул на цементный пол Водила.

— За что?! — удивился Макар.

— Налоги не платишь. У нас в стране, знаешь, как с этим строго!

— Какие налоги?...

— С ворованного, Робинзон, — усмехнулся парень. — За всё надо платить. Здесь — наше место. А уйдёшь в другое — там свои налоги предъявят. Всё равно платить придётся... Лучше уж нам, Робинзон. Все-таки немного знакомы. — Он

медленно подошел к Макару и по-хозяйски протянул руку к рюкзаку. — Ну-ка поглядим, чего ты там «наварил»...

Макар стоял, не шелохнувшись, и ругая себя в душе за трусость. Водила срезал ножом ляжки и вытащил из рюкзака шуршащие упаковки импортного печенья.

— Не густо, — сказал он. — С таким товаром и за год не расплатишься.

— Где попугай? — спросил, наконец, Макар.

— Улетел в Африку, — сострил Водила, неспешно перекладывая печенье в карман своей куртки. — Да не волнуйся, Робинзон. Покупатель — что надо!

— Так вы его продали?!.. — обмер Макар.

— В пять минут! А ты не рад? Да если б не попугай — был бы твой должок на пятьдесят баксов больше.

— Кто покупатель?

— Не всё ли равно!.. Ему попугай нужнее, чем тебе. А тебе важнее всего — должок отдать.

— Нет у меня денег, — твёрдо ответил Макар.

— Вот-вот, — кивнул парень. — Оттого и даю тебе, Робинзон, отсрочку. Ровно на неделю!..

— И через месяц не будет.

— А ты постарайся... — сквозь зубы отрезал Водила. — В твоих же интересах. Воруешь, чёрт знает что! Воровать надо с размахом. В

супермаркетах, например. Там большой ассортимент. На любой вкус! Сорвал торговый шифр — и готово! Не засекут, будь спок!.. — Он переложил в карманы последний пакет из рюкзака. — Ну, бай! И не думай скрыться, Робинзон. Всё равно выследим...

Он осветил фонарем выход и уже на пороге добавил:

— Решай: или — с нами, или — вообще никак.

Железная дверь захлопнулась с оглушительным треском. Макар прислушался. Звуки шагов взбежали по выщербленным ступенькам. Неторопливо удаляясь, прошлись по двору. И вскоре затихли.

* * *

Церковная свеча погасла. Макар, наконец, понял, что ничего не сможет сделать один.

Он ещё долго стоял в темноте. Ему казалось, что он уже никогда не увидит света. С этой минуты жизнь стала совсем опасной. Теперь «уличные» не отстанут. Надо было что-то срочно предпринять. Но что? Искать друзей? Или бежать, сломя голову, куда глаза глядят? А может смириться и... Нет! Никогда! Макар медленно и осторожно поднялся во двор.

В поздней ночи безмолвно мерцали звёзды, а прямо над ним истекала медовым пряником луна. Она освещала тёмный двор, в котором уже давно не горели фонари и окна. От этого на душе делалось ещё тоскливей.

И вдруг старый двор окатила яркая вспышка. Макар застыл в изумлении...

Рядом с ним стоял мальчик в серебряном плаще.

3. ПЛАНЕТА ДВУХ СОЛНЦ

Мальчик появился неведомо откуда и невесть как. На вид ему было немногим больше, чем Макару. Бледное веснушчатое лицо окаймлял золотой парик с буклями до плеч. Синие глаза были таинственны и печальны.

— Здравствуй! — произнёс мальчик.

— Привет!.. — промолвил Макар, недоуменно хлопая ресницами. — Ты кто?

— Хранитель планеты Алазары.

— Никогда не слышал о такой... — честно признался он.

— И немудрено! Вот уже тысяча лет, как её колокола не звонят.

— Тысяча лет?! — изумился Макар.

— Они молчат с тех пор, как напал на нас Великий Виконт. — Хранитель вскинул голову. Его

лицо стало ещё бледней от лунного света. — Алазару нужно вернуть к жизни...

Он протянул руку ладонью вверх.

«Странный парень...», — подумал про себя Макар, и вдруг почувствовал, как и его ладонь тянется навстречу.

Их руки соприкоснулись. Будто тысячи звонких бубенцов рассыпались по небосводу! Яркая вспышка побежала от звёздного мальчика по всему телу Макара. Страх и усталость исчезли в один миг.

— Наконец-то! — выдохнул Хранитель и улыбнулся. Его синие глаза осветились радостью. — Семьсот лет я искал тебя, и вот — нашёл!

— Меня? — опешил Макар, не понимая, чему так радуется этот мальчик в серебряном плаще. — Зачем?... — Ещё были свежи впечатления от встречи с Водилой. Тот тоже оказался доволен, что разыскал Макара.

— Только ты можешь помочь нашей планете! — счастливо выдохнул посланец неба.

— Я?!.. — изумился Макар, ничего не понимая.

— Ты, ты! — улыбался Хранитель и тут же спохватился: — Ах, да! Ведь ты ещё ничего не знаешь!

— Что я должен знать?!.. — воскликнул Макар.

— Сейчас объясню, — поспешно ответил звёздный мальчик. — Слушай внимательно! Ты всё поймешь...

* * *

...Из чёрных глубин Космоса напал на планету Великий Виконт со своей бесчисленной свитой. Триста лет продолжалась кровавая битва, и закончилась она полной победой ужасного Виконта.

Первым делом Великий Виконт захотел разбить волшебные колокола. Он знал, что в них заключена бессмертная жизнь Алазары. Захотел, да не смог. И тогда он сбросил их с Золотой Колокольни в глубины Космоса. Не одну сотню лет летали они по Вселенной, пока, наконец, не попали на Землю.

А на планете Мариады запылали пожары. Горели города и храмы, полыхали сады и рощи, живыми факелами кричали от боли звери и птицы. Впервые жители Алазары узнали, что такое смерть. Всегда — таинственная, прекрасная — на этот раз она превратилась в груды гниющих, кровоточащих, обугленных тел.

Были сожжены и растерзаны почти все жители некогда прекрасной планеты. В их числе — и муж королевы Мариады. Смерть каждого

невинного давала Великому Виконту прилив новых сил. Жалкую горстку оставшихся в живых алазарян, он зашвырнул в Чёрную Дыру, откуда не было возврата.

Свободной от его Вселенского Нашествия оставалась лишь одна Земля, которую он собирался покорить в следующем тысячелетии. Победа над ней дала бы возможность Великому Виконту присвоить себе один из высших Космических чинов — Абсолют Зла. Со своей непобедимой армией злых духов он поселился рядом — на оборотной стороне Луны, в большом и безобразном Фиолетовом Замке. Он копил силы, чтобы однажды внезапно расправиться с последней живой планетой.

Дьяволы и колдуны, злые волшебники и духи, оборотни и вурдалаки, тролли и дэвы — все нашли свое прибежище в замке Великого Виконта.

Там же, в центре Луны, в подлунном подвале, ждала своей участи королева Мариада. Виконт не тронул её. Он был так поражён красотой королевы, что решил на ней жениться и даже назначил век свадьбы.

Семь веков искал Хранитель колокола Алазары по всем уголкам Вселенной. Силы его были на исходе. Не подпитанные музыкой Золотой Колокольни, они таяли с каждым

днём...

* * *

— У нас мало времени, — устало произнёс Хранитель, закончив рассказ.

— У нас?! — недоумённо спросил Макар. — Я-то тут при чём?!

— Разве ты не догадался?! — в свою очередь, удивился звёздный пришелец. — Ведь ты — один из двоих детей Мариады.

У Макара перехватило дыхание:

— Я — кто?!

— Алазарян, — тепло улыбнулся Хранитель. — Чтобы спасти вас от гибели, великий кудесник Ларг превратил обоих в бронзовые статуи и забросил в глубины Вселенной. За это он был заточен в замок Виконта... Я тоже был в плену с Ларгом. И видел, как пытали Великого Кудесника. Виконт хотел найти вас, так как боялся, что когда-нибудь вы сможете возродить Алазару. Но Ларг не сказал ни слова. Он не дрожал за свою жизнь. И прежде, чем превратиться в звёздную пыль, передал мне волшебный кристалл, благодаря которому я и вырвался на свободу... Семьсот земных лет я искал вас в глубинах Вселенной. Галактика — за галактикой... Планета — за планетой... У алазарян есть способность понимать

язык всего, что нас окружает. Птиц и зверей... Деревьев и цветов... Рек и океанов... Про тебя мне поведали звёзды, что отражались в земном море этой благословенной планеты. Когда солнечный луч коснулся твоего бронзового тела, ты ожил...

* * *

Хранитель вдруг покачнулся и схватился за сердце. Он становился всё бледнее. Макару даже показалось, что сквозь него стали просвечивать зажжённые окна дальних домов.

— Что с тобой?! — испугался он.

— У меня осталось всего несколько минут земной жизни, — торопливо произнёс космический мальчик: — Я разыскал тебя, чтобы отправить на поиски четырёх колоколов, которые вернут жизнь нашей планете... — Он протянул ему кусок горного хрусталя. — Этот кристалл поможет тебе... Как только захочешь где-либо очутиться, его волшебный луч мгновенно перенесёт тебя на то место. И ещё... — Хранитель начал задыхаться: — Я... возвращаю тебе... способность... понимать язык... всего на свете... — Он с трудом дотронулся рукой до лба и губ Макара.

И тут мальчик увидел, как Хранитель стал стариться прямо на глазах. Юное лицо подростка покрылось глубокими морщинами, кожа потемнела.

— Но как я узнаю — где эти колокола?!.. — воскликнул Макар.

— Они... на Земле... — прошептал звёздный пришелец. — Где-то совсем рядом... Но у меня почти нет времени... Благословляю тебя на поиски, мой мальчик!.. Исполни свой долг и... прощай!..

Золотой парик сполз набок, и под ним Макар увидел седые старческие волосы. На спине Хранителя появился горб, взгляд отяжелел, зубы куда-то провалились. В последний раз он улыбнулся Макару, но теперь уже чужой и страшной улыбкой.

— Постой! Не исчезай! — крикнул ему Макар. — Ты сказал, что Виконт превратил в бронзовые статуи двоих детей королевы!.. Кто же второй?!..

Хранитель не успел ответить. Его сухое тело ярко вспыхнуло посреди тёмного двора и исчезло. А в небе зажглась новая, ещё никому неизвестная звезда.

* * *

Макар долго не мог прийти в себя. Это было потрясением, которого он ждал всю жизнь! Вновь зазвенели моря и закачались звёзды! Мир, полный приключений, позвал его за собой! И где тут выдумка, а где жизнь — не важно! Разве сама

жизнь — не прекрасная выдумка Бога?!.. Опасности подстерегают везде. Но он сможет! Он найдёт Колокола и спасёт несчастную планету!..

* * *

Внезапно отовсюду слышалась разноголосая речь. Макар прислушался. Всё, что его окружало, оказалось: умеет говорить! Вот несколько скрипучих голосов запели грустную Песенку. Это пели Ставни заброшенного дома.

Мы в ночи, и поутру
Пели Песни на ветру.
Защищали дом от гроз,
От метелей и от слёз.
Счастлив был старинный дом.
Сколько смеха было в нём!
А теперь среди тишины
В нём остались только сны...

Вслед за Ставнями пропела свою Песенку
Старая Голубятня:

Промелькнули, гули-гули,
Голубиные года.
Не вернуться, гули-гули,
В голубятню никогда.

И остались лишь за дверью,
На решётках и шестках —
Только — грязный пух и перья.
Пух и перья... Пух и прах...

«Значит, всё это — не выдумка!» — подумал
Макар.

И прямо из-под земли он услышал ещё чей-то
охрипший голос:

— Ах, найти бы кусочек плавленого сыра!..

«Да ведь это Кристина! — догадался он. —
Вот с чего я начну: с поисков друзей!»

4. О ПОЛЬЗЕ ЯЗЫКА

Когда Макар вернулся в подвал, он уже не
удивлялся, что понимает крысиный язык.

Кристина тем более не удивилась и рассказала
ему о том, что же случилось в подвале...

Водила явился с двумя мальчишками.

— Это я выследил Робинзона! — похвастался
один, по прозвищу Коротышка.

— Устроим ему засаду, — предложил второй,
по кличке Жердяй.

— Вначале поищем деньги! — прервал их
Водила, и компания стала переворачивать всё вверх
дном.

Ни Фомы, ни Иннокентия — как всегда днём — в подвале не было. Кот по-прежнему сражался с неуправляемыми воробьями, а пёс — по своей бродяжьей привычке — вечно околачивался у помоек. Кристина наблюдала за приходом уличной Стаи из норы. Она была от природы здравомыслящей крысой и никогда не лезла на рожон. Лишь один Сократ летал по подвалу и бесстрашно орал во всю глотку:

— Хулиганы! Бандиты! Уличные олигархи!

Он долго не давался им в руки, пока, наконец, Жердьяй не накрыл его на лету своей курткой.

— С паршивой овцы — хоть шерсти клок! — одобрил Водила поимку попугая.

На что Сократ обиженно выкрикнул из рукава:

— Сами вы бараны!

— Голову сверну, — строго предупредил Водила, и попугай предусмотрительно замолчал.

— Знаю я одного дрессировщика, который прилично за него заплатит, — решил вожак.

— Не продаюсь! — снова проскрипел пленник из-под куртки. Но с его мнением никто не считался.

— Не тот ли, из цирка-шапито, усатый? — уточнил Коротышка.

— Он самый. Валерьян Бесстрашный! — Водила закурил и, оглядывая подвал, стал размышлять вслух: — Не исключено, что деньги

Робинзон носит с собой. Но, скорее всего, для безопасности — хранит в каком-нибудь тайнике...

— Точно! — обрадовался Коротышка. —

Надо простучать каждый угол.

И они с Жердям принялись за работу.

— Есть! — вскоре воскликнул Коротышка, указывая на круглое отверстие между стеной и полом.

— Я сам! — алчно отпихнул его Жердям и просунул руку по самый локоть.

На его беду, отверстие оказалось норой Кристины. Как только к ней потянулась чужая рука, она тут же ткнула её за большой палец.

— А-а-ай! — заорал длинный парень, отлетая на несколько метров от стенки. — Там крысы! — Из пальца сочилась кровь.

— Наверное, бешеные, — не на шутку испугался Коротышка. — Нужно сделать срочно сорок уколов. Иначе труба!

Жердям застонал:

— За это и платить придется?!..

— Бесплатный сыр только в мышеловке, — напомнил ему из глубины норы Кристина.

— Беги в «Неотложку», — сказал Жердям Водила. — Мы с Коротышкой сами управимся. Получишь свою долю. Так что в накладе не останешься.

И все заспешили к выходу.

* * *

— ...Когда через час вернулся Иннокентий, — закончила свой рассказ Кристина, — он решил найти Фому, чтобы вместе с ним разыскать тебя. Потом прибежал Фома и отправился искать Иннокентия. Как только он ушёл — вернулся Иннокентий и опять побежал за Фомой. И так весь день бегают друг за другом...

— Вот и хорошо! — обрадовался Макар. — А я уж было подумал, что их отправили на живодерню.

В этот момент в окне показалась рыжая голова с прокушенным ухом.

— Привет, канцелярия! Иннокентий не появлялся? — Кот спрыгнул на пол и стал вышагивать по подвалу, аккуратно обходя битые черепки. — М-да-а, ситуация!.. Жили себе, жили, в тепле и уюте, и вдруг — такое безобразие! От этих «уличных» всего можно ожидать. Это они меня в детстве в ледяной ручей бросили. А прошлую зиму — с крыши. К счастью: прямо в сугроб. А этой весной, стыдно признаться, привязали к хвосту пивную банку. И что самое противное: на глазах у воробьёв!

— На глазах у воробьёв обидно! — посочувствовал Макар.

Фома недоуменно взглянул на Крысю и чихнул несколько раз подряд:

— Это ещё что такое?!.. Он что же, кошачий понимает?

— И кошачий тоже, — кивнул головой Макар.

— Вундеркинд ты наш! — восхищённо воскликнул Фома и бросился к нему в объятия. — Это где ж находятся такие ускоренные курсы полиглотов?

Макар хотел было ему рассказать про встречу с Хранителем, но тут в подвал вбежал запыхавшийся Иннокентий.

— Фома не появлялся?

— Да тут я, тут! — ответил кот. — Ты лучше посмотри на нашего Макара.

Иннокентий поднял голову и внимательно уставился на мальчика.

— И чего?... — не понял он.

— Спроси его о чём-нибудь, — подсказал кот.

— Его?! О чём?

— Да о чём хочешь! — разозлился Фома. — А он тебе ответит по-собачьи. Теперь наш Макар — чудо-мальчик! Вундеркинд! Полиглот — по-научному!

Иннокентий недоверчиво завилял хвостом, не понимая: дурачит его кот или нет.

Когда же Макар подтвердил, что всё это правда, Иннокентий расплылся в улыбке:

— Вот здорово! Будет о чём поговорить! У меня, знаешь, сколько в жизни историй?! На целую книгу наберется!

— Странно получается, — заметила Кристина, — почему-то все животные понимают друг друга, а люди — только свой язык...

— Это потому, — объяснил Фома, — что люди — не с нашей планеты.

— Как это? — вздрогнул Макар.

— Есть такое мнение, — уклончиво загнусявил кот. — От доминошников слышал...

— Ты же сам говорил, что доминошники врут! — напомнил ему Иннокентий.

— Когда я тебе такое говорил?! — возмутился Фома.

— А когда они кричали «рыба», а никакой рыбы на столе не было.

— Рыбы, может, и не было, — засопел кот, — зато умные разговоры были. И про Землю, и про другие цивилизации...

Тут Макар не удержался и выложил им про встречу с Хранителем Алазары.

— Фантастика! — восторженно воскликнула Кристина.

— Поздравляем... — растерянно произнёс Иннокентий.

— Так ты теперь инопланетянин! — с завистью в голосе промолвил Фома. — Ваше

королевское высочество!.. Эх! Везёт же некоторым. Я, может, тоже хочу стать Первым Котом на Алазаре!

— Для этого надо вначале её спасти! — резонно заметила Кристина. — Всегда готов! — воскликнул Фома. — Не вечно же летать в Космосе одним только собакам! — И покосился на Иннокентия.

— Обезьяны тоже летали, — внесла поправку крыса.

— Всё-то ты знаешь, «канцелярия»! — отреагировал кот.

— Вначале спасём Сократа, — прервал всех Макар. — Где находится этот цирк-шапито?

— В парке культуры и отдыха! — вспомнил Иннокентий. — Там ещё у входа — большая помойка. А рядом драная афиша: «Валерьян Бесстрашный! Смертельные трюки с хищниками!»...

— Кошмар! — ахнула Кристина. — Они ведь его съедят! Нужно немедленно отправиться на помощь!

— Действуем без промедления! — решил Иннокентий. — Мы с Фомушкой всё разведем, а если удастся, то и выручим его.

— Но почему сейчас?! — недовольно проворчал кот. — Ночью надо спать... У меня, например, голова идёт кругом после всех этих

новостей. Разгром... Похищение... Теперь вот — Алазара... Предлагаю отправиться на спасение попугая утром.

— Ну и спи, — сказал ему Иннокентий и сам выбежал из подвала.

В подвале нависла тяжёлая пауза.

— А ведь, пожалуй, ещё заблудится... — озадаченно подал голос Фома и нехотя поплёлся к выходу.

Кристина облегчённо вздохнула.

* * *

Когда они ушли, Макар вытряхнул из рюкзака остатки печенья из разорвавшейся пачки и поинтересовался:

— А почему тебя Фома прозвал «канцелярской»?

— А кто ж я?! — удивилась Кристина. — Канцелярская и есть! Когда-то в этом доме на первом этаже находился офис Геодезического Общества... Я, к тому времени, уже сбежала из лаборатории. Ах!.. — она сладко закатила глаза. — Прекрасное было время! Когда сотрудники уходили по домам, я ночью вылезала из норы, обследовала кабинеты, ужинала остатками завтраков в столах. А потом, разложив на полу географические карты, путешествовала! Сегодня — по Америке, завтра —

по Европе. Так и открыла для себя мир.

— Я тоже любил мечтать... — ответил Макар и вспомнил Приют.

Они ещё немного побеседовали на географические темы, как вскоре вернулись разведчики.

Фома тут же без сил рухнул на пол, а Иннокентий, тяжело дыша, выпалил прямо с порога:

— Нет там никакого шапито!

— Даже афиши нет, — добавил Фома, не открывая глаз.

— Где же тогда цирк?! — удивился Макар.

В ответ на этот риторический вопрос в подвал громко постучали:

— Открывайте! — раздался чей-то грубый мужской голос.

Все замерли и уставились на железную дверь. Стук повторился.

— Проверка документов! — строго объявил голос.

Макар с запозданием заметил, что забыл запереть дверь на щеколду.

— Менты, — прошептал он.

— Кранты... — отозвался Фома.

Тут дверь со скрипом отворилась, и в подвал с хохотом влетел попугай.